АВГУСТ 1928 № 33 ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

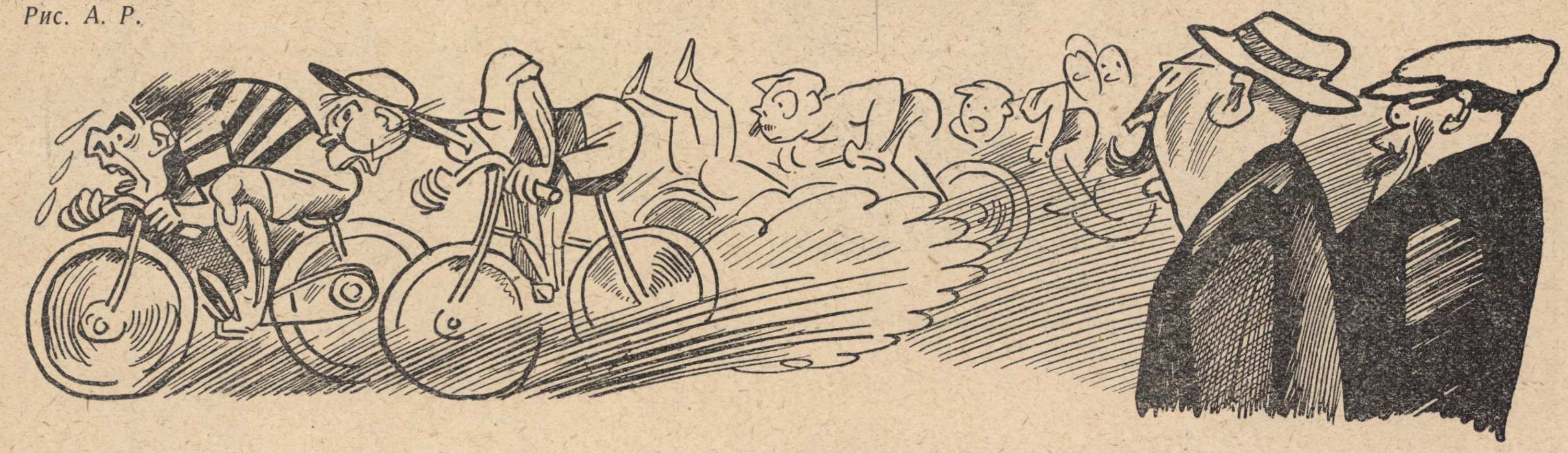

Рис. М. Черемных

Некоторые ВТУЗ'ы из'яты из ведения Наркомпроса и переданы ВСНХ.

КУМОВСТВО

Рис. А. Р.

— Почему это Пантюхин первым пришел?
— Кумовство! Нажал педаль, где надо, и... пришел!

УТРО

Проснулся я часов, примерно, в шесть...
Сияло утро...
Как оно сияло!
А мне хотелось... плакать или есть,
Чего-то так душе недоставало...

***

Томленье странное
Тревожило меня,
Как будто память о былой обиде,—
Не потому ли, что я вдруг увидел
Вот это утро, эту юность дня?

***

На неопрятной я сидел постели,
Унылый,
Раскоряченный моржом...
В душе — тоска,
Застой в несвежем теле,
На столике — Боржом!

***

А утро голубело молодое...
Плыл над задворками
Нежнейший утра свет...
Я встал и слушаю.
За тонкою стеною
Давно проснулся,
Действует сосед.

***

Я слушаю...
Кто он такой?
Так редко
Мы с ним встречаемся...
Живет себе — и пусть!
(Когда бы он, допустим, был соседкой...)
Я слушаю,
И все сильнее грусть...

***

Он действует,
Он ходит...
Вспоминаю:
Он молодой, он юноша... Ну, да!
Я слушаю. Я к двери подползаю:
Он моется! Звенит струной вода.

***

Струной... Я слушаю... Она ревет трубою,
А юноша мой прыгает, вопит...
Я дверь тихонько приоткрою,
И развернется чудный вид!

***

Да, я смотрю...
Я лбом в косяк уперся,
Я зрелище волшебное краду:
Вода стекает с молодого торса,
Он мокр, как статуя — в весенний дождь, в саду...
Я — жирная, прожорливая мышь,
Меня не видит он,
Он смотрит мимо...
Ужели для меня навек невозвратимо —
И треугольный торс
И гамма нежных мышц?

***

Я посетил соседа моего.
— А, здравствуйте...
Дела такого рода...
— Дела-то ничего,
Не подвела-б погода...
Сегодня день (сказал он) эстафет,
А также бег (сказал он) на сто метров...
Дождя не будет...
В отношеньи-ж ветра...
(Так говорил мой молодой сосед).

***

— Сегодня интересная программа:
Пищевики и — знаете — динамо...
(Он говорит, блестят его глаза,
А я не понимаю ни аза!)
— Вам сколько лет?
(Спросил я с кислой миной),
А он в ответ:
— Семнадцать с половиной, —
И тут же гордо присовокупил:
— Я по прыжкам
Рекорд установил.

***

Я слушал жалобно...
Мне защищаться нечем...
Хотелось мне спросить... о чем?
Ну, дескать, не болит ли печень?
И пьете-ль вы Боржом?

***

Он улетел...
Боялся опоздать...
Я крикнул: — В добрый час!
Он мне махнул рукою...
И утро голубело молодое,
А мне хотелось
Кушать иль рыдать...

***

И я пришел
Под кров унылый свой,
А за окном шумит...
Я выглянул: ну, что там?
Там века молодость
Шумела надо мной
Поднявшимся с Ходынки самолетом!

Зубило

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ

Рис. Б. Ефимова

— Спасибо, сердечный!
— Я не сердечный, я — почечный.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДЕЛО

Белоснежный красавец-пароход подходит к волжской пристани. Неожиданно между пароходом и пристанью выскальзывает откуда-то маленькая лодченка с вихрастым подгулявшим парнишкой. Слышен треск, лодка пополам, а вихрастый парнишка уже барахтается в воде. Сбегается народ.

— Тону!.. Братишки... Помогите!..

— Беспременно утонет, — позевывая, решает на берегу старичок в соломенном картузе, — сейчас пузырь от него пойдет...

— Может, лодку послать?—слышится робкое предложение. — Того и гляди, ко дну пойдет...

— И пойдет. Это уж как по правилу: ежели орет и барахтается,— быть утопленнику... Поверье такое есть...

— Тону... Лод-к-у-у!..

— Ишь, чорт, надрывается... Поди, чай, рыбинский... Голос заливчатый, тонкой... У них в Рыбинске у всех голоса тонкие...

— Рыбинские тонуть любят. Чуть что — в воду. Нижегородские — те больше насчет пива, либо языком трепать, а рыбинские такие...

— Мить, а Мить, сбегай, — может, кто с лодкой выедет.

— Не. Некому ехать. А в обчественной лодке дыру не зачинили. Шестая комиссия собирается — средства изыскивают на смолу...

— Тону... Брати-шеч-ки!..

— Ишь, чорт, надрывается... Ежели, скажем, уж такое срочное дело — приди, стань в очередь, изложи, а он тебе среди бела дня рев подымает...

— А ведь утонет, братцы... Право слово, утонет... Хрипит, подлец...

— А ты что думал? Может, парнишка по делу какому ехал, а теперь воду глотай... А потонет, и ничего не скажешь... Вот ежели бы машину какую изобрести, чтобы нажать кнопку, а она сама за шиворот ихнего брата хватала...

— А поди в Германии такая машина и есть. Паровая, либо газовая. Выволочет, вытряхнет, одежонку обсушит и все бесплатно...

— Брати... Тону... Спаси... Карау... Бр...

— На дно пошел. Потрепыхался и будет. Вот тебе и жизнь человеческая. Теперь его не иначе, как багром ловить придется.

— Багор-то у нас есть?

— Багор-то? Багра-то у нас нет, потому как утопленник в бюджете не предусмотрен.

— Это, конечно, ежели каждого предусматривать — где напасешься?.. Теперь его хоронить придется... Мить, а Мить, сорганизуй-ка похоронную комиссию...

— Это можно... Дело обчественное, тут не откажешься... Ну, записывайся, братцы...

— Меня, Мить, запиши... Стрепухина записывай, Пал Петровича, Гаврилыча... Согласны?

— А как же? Всех пиши, никто не отлынивает... Раз обчественное дело, ежели, значит, всем сообча человека похоронить, — это другое дело. Это тебе не в воду лезть в одиночном порядке — на это, брат, дураков не найдешь...

И похоронная комиссия, весело споря, оживленно пошла по берегу от пристани...

Л. Арбатский

СПЕЦ

Рис. А. Радакова

Биржа труда присылает на строительные работы парикмахеров, конторщиков, машинисток и т. д.

— Как прикажете причесать травку: бобриком или под-польку?

ВЗРЫВ ЭНТУЗИАЗМА

(Рассказ правленца)

Дорогой «Смехач»! Прогуди по всему необ'ятному жел.-дор. транспорту о последнем достижении товарищей правленцев нашей томской дороги—о нашей горячей смычке с душевнобольными сумасшедшими сибирской краевой психиатрической больницы, каковая имеет свое местонахождение между ст. Томск II и ст. Черемошники.

С раннего утра экскурсионный поезд наполнился бодрыми загорелыми лицами, получающими по разным разрядам сетки со своими семьями.

И, вообще, что может быть прекраснее пестрой толпы бодрых загорелых лиц, стремящихся провести солнечный летний денечек на лоне в культурных развлечениях?

С бодрым пением и тихими культурными развлечениями поезд двинулся по нашей необ'ятной томской дороге, радуя глаз своим бодрым загорелым видом.

Нежный исходящий ветерок колыхал ответственные верхушки стройных бодрых деревьев и наполнял гордостью загорелые груди товарищей правленцев со своими семьями.

Твердо памятуя о беспощадной борьбе с пьянством и разгильдяйством, правленцы взяли в поезд для пикниковского буфета только 200 ведер пива, а из легких виноградных вин только немного очищенной.

Прибыв в красивую лесистую местность, расположенную около психиатрической лечебницы, и разместившись на травке для культурных развлечений, правленцы еще не предполагали, что экскурсия через каких нибудь несколько часов выльется в мощную демонстрацию смычки орлов-правленцев с товарищами душевнобольными.

После легкой закуски пронесся первый взрыв радостного веселья.

Культурными силами были организованы массовые игры: культ-футбол, проф-чехарда, совкозел и клуб-очко. Играми была охвачена вся правленская масса.

Костя Незайцев хотел произнести международную речь, но так умилился, что не мог высказать ни слова и молча повалился на травку.

К концу массового гулянья к месту экскурсии подошли тихие помешанные, привлеченные здоровым весельем товарищей правленцев. Широко раскрытыми глазами, тихо улыбаясь, смотрели сумасшедшие на мощное гулянье нормальных людей.

— Ура!...—закричал оправившись после речи Костя Незайцев.—Пламенный привет товарищам душевнобольным от товарищей душевноздоровых!

— Ура!.. — воскликнули правленцы в одном единодушном порыве. И началось братанье...

***

Любо было смотреть на эту смычку демонстрирующую достижения правленцев в культурном деле сближения.

Там и сям образовались живописные группы. Велись задушевные разговоры.

От лица правленцев выступил Костя. В образных выражениях нарисовал он мощную картину.

— Даешь сумасшедших!—закончил Костя, покрытый бурными, долго несмолкавшими, аплодисментами.

Все встали и, стоя, приветствовали товарищей душевнобольных. А многие так расчувствовались, что даже не могли встать и приветствовали сидя и лежа.

На приветствия отвечал представитель тихих сумасшедших:

— Товарищи, — сказал он в образных выражениях,—я хотя и есть Колумб, открывший Америку, но предлагаю закончить смычку и разойтись по домам. Кроме того, нам, товарищам душевнобольным, нужно идти ужинать. А вам, между прочим, можем передать пламенный привет от буйно-помешанных, которым выходить из корпусов не разрешается.

На этом сумасшедшие решили уйти с места смычки. Но Костя устроил еще один взрыв энтузиазма!

— Врешь, Колумб, не уйдешь, продолжай смычку.

Вся масса правленцев бросилась обнимать дорогих гостей и дали им выпить за процветание здоровых. Тут же, между прочим, были организованы массовые игры и оригинальный тир — стрельба по товарищам сумасшедшим пивными бутылками, лежа и с колена на небольшой дистанции.

Но сумасшедшие не проявили достаточной активности.

— Мы, — необоснованно говорили они,—хотя и душевнобольные, но просим товарищей правленских психов прекратить смычку и не стрелять в нас с небольшой дистанции, а то мы позовем милицию.

— Очень нехорошо с вашей стороны, — сказал Костя — не проявлять достаточной активности, хотя вы и сумасшедшие.

И смычка продолжалась до поздней ночи, радуя глаз своей организованностью.

Так простая экскурсия вылилась в мощную смычку.

Побольше бы нам таких экскурсий!

Красный очевидец.

***

Врачи психиатрической лечебницы сообщили, что вышедшие погулять больные возвратились в ужасном виде. Многие были в крови. 1.000 больных волнуется. Если экскурсии будут продолжаться, врачи не ручаются ни за что.

Мы полагаем, что комментарии излишни. Никакая фантазия не может превзойти правдивую картину, с такой скромностью нарисованную «Красным очевидцем».

Евг. П.

ОДНОФАМИЛЕЦ

Рисунки Манн

В газете Иван Сергеевич в первую очередь интересовался хроникой происшествий. Ее он просматривал с удовольствием. Но сегодня, когда он приступил к чтению любимого отдела, первая же заметка возмутила его. Содержание ее было следующее:

Дикая выходка. Вчера вечером на Тверской был задержан конторщик И. Петров, находившийся в явно нетрезвом виде и приставаший к женщинам с гнусными предложениями. Милицией на хулигана составлен протокол.

Ивана Сергеевича возмутило не хулиганство пьяного конторщика, а то, что он был его однофамильцем и что имя его также начиналось на букву «и».

— Чорт знает, что такое!— с возмущением подумал Иван Сергеевич.—Почему не напечатали его имя полностью? Теперь знакомые прочтут и, чего доброго, подумают, что это я приставал к женщинам.

И сейчас же, словно в доказательство правоты его предложения, Ивана Сергеевича позвали к телефону, и он услышал голос своего приятеля—Кривоносова.

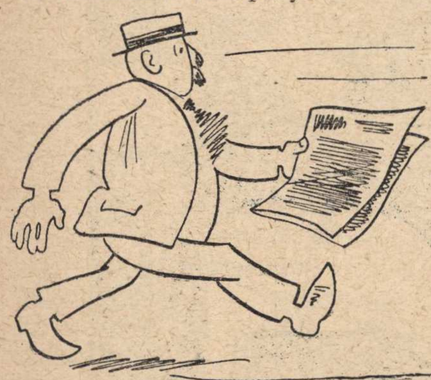
— Алло! Это ты, Ваня? Читал, читал, как тебя прославили! Как же это ты так? А? Вот уж не ожидал от тебя такой прыти!

— Это не про меня! — закричал в трубку Иван Сергеевич.— Это про другого Петрова! Я вчера из дома никуда не выходил!

— Да? А мы все думали, что это про тебя!—сказал с разочарованием, как показалось Ивану Сергеевичу, Кривоносов. — Тебе следует написать опровержение.

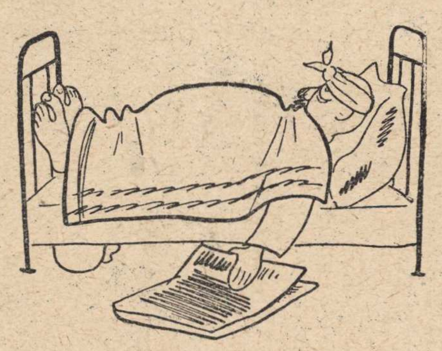
— Да, да. Обязательно напишу!

Иван Сергеевич повесил трубку и сел писать письмо в редакцию. Но не успел он написать и двух строк, как его снова позвали к телефону.

—... Чорт знает, что! Знакомые прочтут и подумают, что это я приставал к женщинам...

— Ванечка, что это значит?— услышал он взволнованный голос тети Ани.—Ты пьяный бегаешь по улицам? Срамишь всех нас?

... Он скомкал газету и швырнул ее на пол.

— Тетя!—заревел Иван Сергеевич.—Это не я!! Это мой однофамилец! Ни за кем я не бегаю!!

Он с ожесточением повесил трубку, но через минуту опять раздался телефонный звонок. Сослуживец Алеша Приходько спрашивал: не арестован ли он, и если нет, то сколько с него взяли штрафу?

Распросы по телефону так разволновали Ивана Сергеевича, что он потратил много времени и бумаги на писание опровержения, состоящего из десяти строк. Он лично отнес его в редакцию и там пообещали напечатать в завтрашнем номере.

На другой день рано утром Иван Сергеевич купил газету и сразу же успокоился, когда увидал напечатанным свое письмо.

— Ну, теперь недоразумение выяснилось,—с облегчением подумал он.—Теперь меня не будут терзать по телефону.

В хорошем настроении он отправился на службу и весь день до конца занятий ходил из комнаты в комнату и показывал, в первую голову начальству, а затем и остальным сослуживцам, газету со своим опровержением, в котором он ставил в известность читателей, что ничего общего с И. Петровым, хулиганившим на Тверской, не имеет.

В том же хорошем настроении Иван Сергеевич вернулся домой, с аппетитом пообедал и, вытащив из портфеля вечернюю газету, прилег на диван и принялся за чтение.

По обыкновению, он начал с отдела происшествий. Какой то Зайцев (а не Петров!) из ревности зарезал свою жену. В квартире Королькова, (а не Петрова!) взорвался примус. Рабочий Евстигней Петров (ага, Петров, но Евстигней, а не Иван!) упал на постройке с третьего этажа и вывихнул себе руку.

Все обстояло благополучно. Честное имя Ивана Сергеевича не упоминалось всуе.

Покончив с происшествиями, Иван Сергеевич перевернул газету. На второй странице внимание его привлекла статья под заголовком: «О белых слонах и зеленом змие». Автор статьи— А. Б. В. с первой строки обрушивался на пьянство—это огромное зло, которое и т. д.

«С пьянством тесно связано хулиганство» — прочел дальше Иван Сергеевич, — «как иллюстрацию, я могу привести сообщение, напечатанное в одной из утренних газет. Некий конторщик И. Петров в пьяном виде гонялся по Тверской за женщинами...»

Иван Сергеевич заскрежетал зубами.

«Скажите, — вопрошал А. Б. Б, — мог ли этот Петров гоняться за женщинами в трезвом виде? Ни в коем случае».

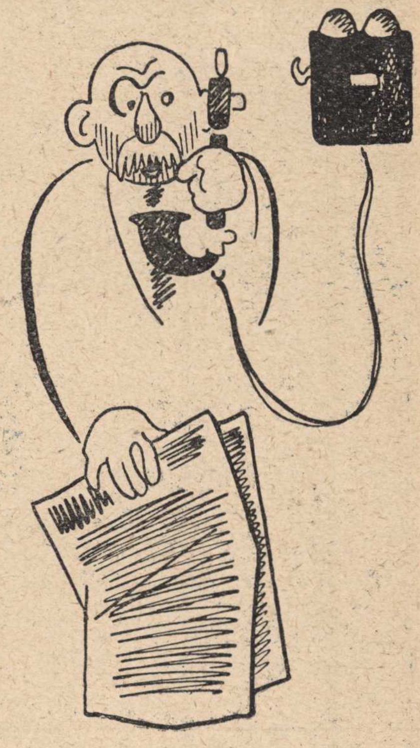
Иван Сергеевич скомкал газету и швырнул ее на пол. Опять И. Петров!

Он оделся и побежал в редакцию вечерней газеты. Секретарь — солидный молодой человек—выслушал Ивана Сергеевича и посоветовал не волноваться. Мало-ли на свете Петровых? Все же он взял написанное тут же Иваном Сергеевичем опровержение, снисходительно пообещав напечатать его.

... Иван Сергеевич купил газету и сразу же успокоился, когда увидел напечатанным свое письмо.

— В самом деле, — подумал Иван Сергеевич, выходя из редакции,—в телефонной книжке

— ... Тетя! Это не я! Это мой однофамилец!..

Петровых, имя которых начинается на букву «и», десятка полтора. Неужели все они волнуются так, как я? Ерунда!

Но это рассуждение его не утешило. Ему захотелось рассеять чем-нибудь свое угнетенное состояние. Был понедельник, театры не работали. Иван Сергеевич решил пойти на диспут о «культурной революции», о котором огромными буквами возвещала афиша.

Когда Иван Сергеевич вошел в зал, докладчик уже говорил, расхаживая по эстраде и размахивая газетой, которую держал в левой руке:

«... что же говорят факты? — услышал Иван Сергеевич, усаживаясь на стул, — а факты говорят то, что борьба за культуру дело очень трудное. Если вот этот конторщик И. Петров,— докладчик ткнул пальцем в газету,—если он, считающий себя культурным человеком, напивается пьяным и ловит по улицам женщин, то что же требовать от людей, которые...»

Ивана Сергеевича бросило сразу и в жар и в озноб. Он вскочил и под шиканье публики ринулся к выходу, с твердым решением — завтра же возбудить ходатайство о перемене своей фамилии—Петрова на Первомайского.

Александр Архангельский

ТЯГА К УДОБСТВАМ

> В гор. Троицке, где нет почти ни одного двухэтажного дома, выстроили уборную, на которую ухлопали свыше 5.000 рублей.
>
> *„Беднота“.*

Рис. К. Ротова

— Зачем это мебель в уборную везут?
— А это наши ответработники переезжают в лучшее помещение в городе.

ТРУДНЫЙ ЯЗЫК

(Новый вариант Чеховского «Злоумышленника»)

В газетах поднят вопрос о необходимости исправления языка законов, слишком непонятного для масс.

Судья хмуро посмотрел на обвиняемых, надел очки и раскрыл книгу с законами.

— И обвиняетесь вы по седьмому пункту статьи двенадцатой, которая...

Оба незаконных порубщика вздохнули, слегка помялись, а один из них виновато вставил:

— Так что ошибочка вышла... Рубить лесишко — рубили, это уж что говорить, только насчет пункта — неправильно это...

— Как это неправильно?

— Да уж так... Не на седьмом рубили, а на девятом... На седьмом пункте лес жидкий, ствол, что соломина... Дурак на ем будет рубить...

— Не ломайте дурака, гражданин, — строго остановил судья—ясно, кажется... И имейте в виду, что никаких кассационных поводов в деле не будет...

— Да уж какие там поводы!— снова вздохнул один из порубщиков, постарше,—повод один—лесишко понадобился...

— Что вы мне очки втираете? Я вам говорю о том, что аппелировать вам не придется...

— Да уж где там после такого случая... Кто же пелировать-то захочет, когда этакое дело?..

Судья устало вздохнул.

— Грамотен?

— Грамотные.

— Так вот и помните, что приговор наверняка будет санкционирован высшей инстанцией...

— Слышишь, Мить, а Мить, — наклонился один из обвиняемых к другому, — сацкинировать будут... Влопались по первое число...

— И на станции еще, — откликнулся тот, — а у меня там деверь служит...

***

Через полчаса судья складывал дела в папки и ворчал в ухо секретарю:

— Этакий темный народ... Кажется, чистым юридическим языком им говоришь, ни одного слова не пропускаешь, а они хоть бы что...

А в темном коридорчике оба обвиняемых горячо и взволнованно рассказывали любопытствующим односельчанам:

— На три недели всыпались... Уж он и доедал нас, и доедал... И не на том, говорит, пункте рубили, и без всякого повода лесишко портили, и сацкинировать грозился, и на станцию отправлять хотел, да уж еле-еле уломали на три недели... А так все ясно и понятно... Хороший человек судья, — толковый...

Егор Спиноза

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ МЫСЛИ

1. Земная ось — это единственная ось, не требующая осмотра и ремонта.

2. И возле полюса люди пытаются найти себе теплое местечко.

3. Владельцы рудников и в горах под властью низменных инстинктов.

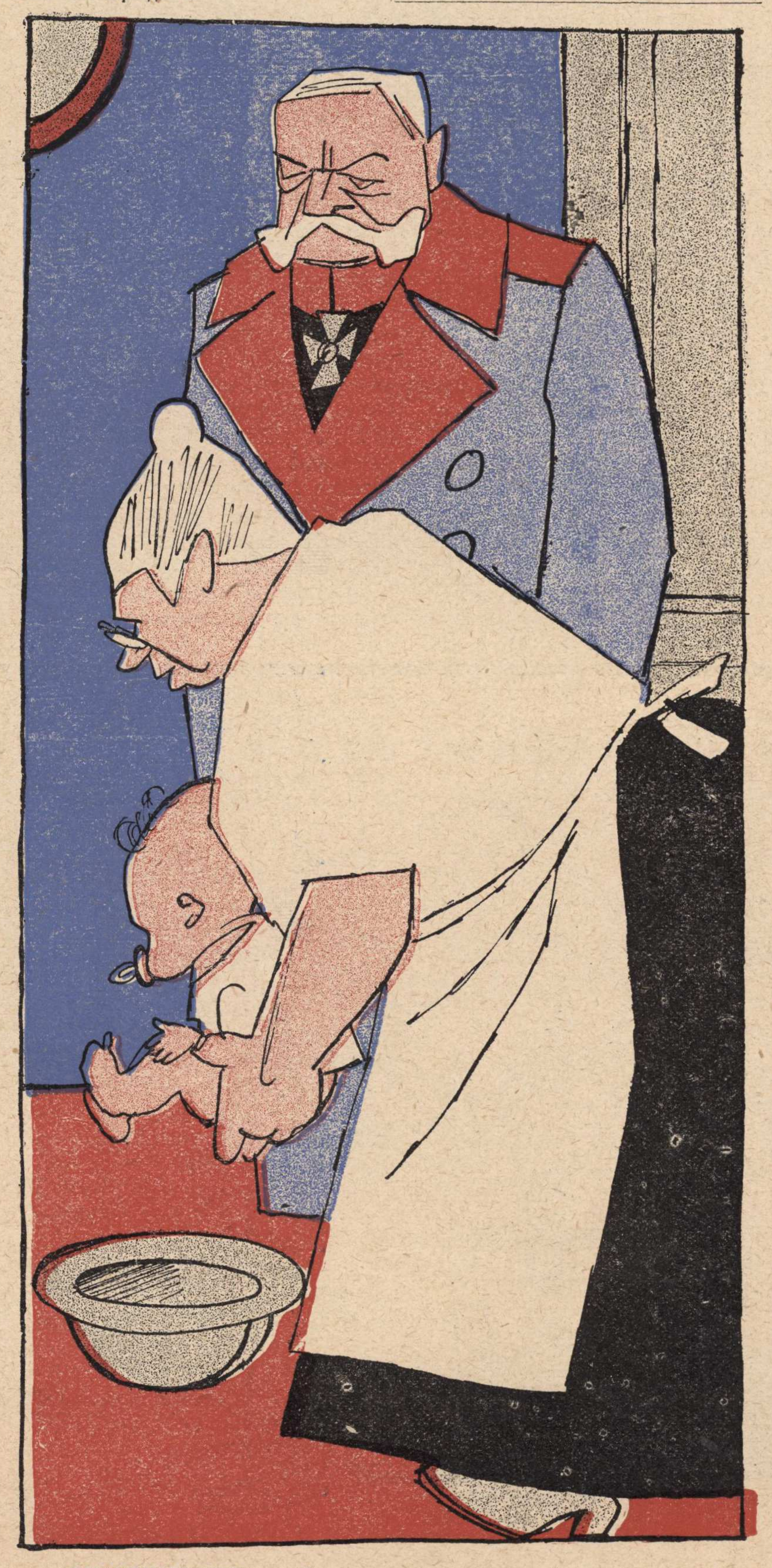
4. Англия окружена со всех сторон водой: поэтому она после любой своей пакости умывает так быстро руки.

5. Горные хребты не годятся для подхалимства: они не сгибаются.

СЕМЕЙНАЯ РАДОСТЬ

У Гинденбурга родился внук.
Из газет.

Рис. Л. Бродаты

ГИНДЕНБУРГ: — А многие еще говорят, что «стальной шлем» ни на что не может пригодиться!..

ХОЗЯИЧИК

Около Ростова у него выкрали деньги и чемодан, но он не пал духом и решил осмотреть Крым даром.

В Симеиз он пришел пешком. Жара была страшная. Он оглядел пляж без единого кусочка тени и встал около гладенького камня, повесив себе на грудь плакат-рекламу:

ЦЕНА 10 коп. ЗА ПОЛЧАСА.
ПРОДАЕТСЯ ТЕНЬ.

Сначала торговлишка шла туго, а потом развилась.

— Хороша ли тень? — сомневался чесунчовый пиджак, садясь на отененный камень.

— Тень отличная! Довоенной выработки, с 1895 года рождения!

— Ты выходишь прямо хозяйчик!—смеялся второй клиент.— Надо тебе на тень патент взять или застраховать ее!

— Как это можно! Тень—моя собственность. Это радикальное средство от солнечных ударов принадлежит исключительно мне.

— Никаких собственностей! Тень — государственное достояние. Почему тень от домов не эксплоатируется?

— По нерачительности! Следует поставить дворников с кружками. Кто задержался в тени, — гони монету!

Так наторговал он 8 гривенников. Дальше дело продолжать было нельзя. Появились страшные конкуренты: облака. Они закрывали солнце, похищая эксплоатируемую тень.

Он погрозил облакам кулаком и пошел подкрепиться в духан...

В. Тоболяков

БОЛЬШОЕ ДЕЛО

— В моем деле оказалась огромная пропускная способность: за год 10 сроков уплаты финотделу пропустил...

УЛИЧНОЕ

— Подайте, гражданин, слепенькому — гривенника не хватает...

— На что не хватает?

— На киню.

НА УРОКЕ

— Какого времени глагол «снижать»?

— Далекого будущего.

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

— Пупыров справил 20-летний юбилей.

— А кто он?

— Известный критик.

— Критик? 20 лет? И еще на службе?!

ПОЗАВИДОВАЛ

Часто самокритика проходит впустую — разоблаченные остаются на своих местах, или, что еще хуже, получают более ответственную работу.

Честное слово, товарищ Метилов был хороший администратор. Небольшой лесопильный завод, во главе которого он находился, работал отлично.

Рабочие получали во время зарплату, спецодежда выдавалась им аккуратно. Производительность труда заметно увеличивалась, прогулы почти отсутствовали. В вычищенных баках всегда была кипяченая вода, вентиляторы работали исправно, конторские служащие с посетителями обращались вежливо.

Сам товарищ Метилов водки не пил, жен сотрудников не насиловал, роскошных костюмов не надевал (всегда на нем синяя толстовка, такого же цвета штаны и простые сапоги), по командировкам в Москву и за границу не ездил.

Честное слово, тов. Метилов был хороший администратор. «Низы» говорили про него:

— Это человек, что надо.

Верхи:

— Не плохой работник, не хватает звезд, но со своим делом справляется.

В городе, кроме лесопильного завода, были еще колбасный директор Моргунов, отделение «Пенько-канат» (председатель Васильев) и мясохладобойня (заведующий Цыпленкер).

Они говорили о Метилове презрительно и коротко: «Работник без инициативы». Метилов о них еще короче: «Прохвосты!»

Когда началась самокритика, Метилов каждый день ожидал: «Сейчас этих прохвостов разоблачат!»

И, действительно, очень скоро в местной газете крупным шрифтом в отделе «Наши безобразия» было напечатано: — «Непорядки на колбасном заводе. Директор Моргунов никогда не бывает трезвым». И дальше очень живописно расписывалось, как директор колбасного завода пьет, как ему померещилось раз спьяна, что он свинья, как он ходил на четвереньках и просил из него сделать краковскую колбасу. «Нам не надо таких директоров!» — заканчивалась эта заметка.

А еще через несколько дней был разоблачен заведующий мясохладобойней Цыпленкер. Оказалось, что во всей конторе «Мясохладобойни» работают родственники Цыпленкера.

И еще через неделю был разоблачен председатель отделения «Пенько-канат» — Васильев. Он обвинялся в том, что в течение одного года ездил 50 раз в Москву и шесть раз за границу. «Нам не надо таких!» — заканчивалась заметка о председателе «Пенько-канат».

Метилов торжествовал:

— Достукались, голубчики. Так вам и надо!

Но радость Метилова была непродолжительной. Через каких-нибудь шесть дней он встретил торжествующего Моргунова и Цыпленкера.

— А-а, лес рубим — щепки летят! Как делишки? — приветствовали они Метилова.

— Да так, помаленьку... — ответил он. — А как у вас?

— А мы сегодня тю-тю, уезжаем. Я в Киев директором сахзавода. Это тебе не фунт колбасы. Там одних рабочих 800 человек, свой автомобиль, лошади, а Цыпленкер в Ростов-на-Дону — и тоже с повышеньицем! — сказал Моргунов.

— Я еще не знаю, на чем остановиться. Мне предлагают пивоваренный завод или «Доназавторг». Семейство частично я уже погрузил! — проговорил очень быстро Цыпленкер.

— А Васильева куда? — осведомился Метилов.

— Ты еще не знаешь?! Он едет в Москву. Ему уж там квартирку купили. Да он, пожалуй, лучше, чем мы оба, устроился! — сказали с завистью Моргунов и Цыпленкер.

Попрощались и ушли.

Метилов пришел к себе на завод сердитый.

— Прохвосты! — думал он.— И в газете их пробрали, а им хоть что. Еще повышение получили!..

Вечером на общем собрании Метилов говорил:

— Товарищи, очень жалко, что волна самокритики еще не докатилась до нашей лесопилки. Почему вы не критикуете?! Почему вы меня не разоблачаете?!

Сотрудники и рабочие брали слово и говорили:

— А что нам критиковать? Производительность труда у нас повышается, вентиляторы в исправности. Недостатков особенных нет, культработа налажена. Чего-ж нам самокритиковаться?

Метилов выступил последним и, нервничая, кричал:

— Потому вы меня не критикуете, что боитесь меня! Шкурники вы! Боитесь, чтобы я вас не уволил, вот и не критикуете.

— Никто тебя не боится, брось ты зря трепаться! — возразил кто-то с места.

— Ага, не боитесь?.. Я вам покажу, как не бояться... Почему никто из вас не написал в газету, как я в пьяном виде на опилках валялся, на глазах у рабочих?!

— Ты-ж не пьющий! Тебя-ж с одной рюмки воротит! — крикнули с дальнего угла.

— А если я непьющий, так у меня другие пороки есть. Я, может быть, могу кого угодно изнасиловать...

В зале поднялся невероятный шум. Председательствующий беспрерывно кричал: «Спокойней, спокойней!..»

— Да не позволим ему на себя клеветать и кончено! — заявили категорически присутствующие.

Собрание было прервано.

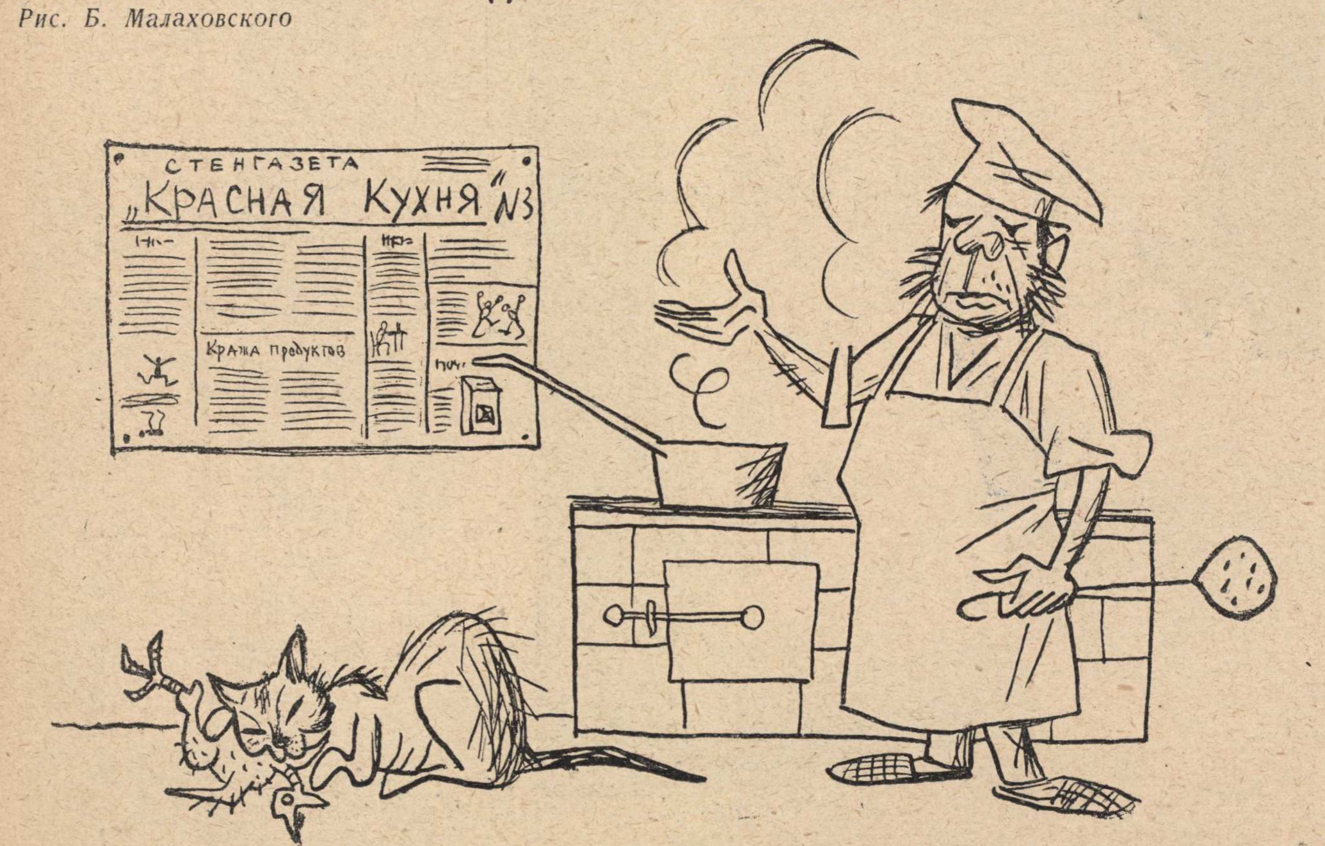
Когда о случившемся узнали, «где надо», они сказали про Метилова:

— Выдохся парень. Надо ему предоставить отпуск, а потом перевести на низовую работу или в деревню послать.

Б. Левин

ВЫХОД ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ

Рис. Б. Малаховского

ПОВАР: — Эх, цыпленка уничтожил!.. Что-ж, придется сегодня на второе «зайца» подавать...

ПЕРЕПИСЧИКИ

Он был инженером при Главке,
Она машинисткой была...
Зарплату он брал по спецставке,
Она переписку брала.

Заказов, а, значит, и пищи,
Искала она, трепеща.
Он рылся в архивном кладбище,
Прожектов и планов ища.

И ночь, перепискою пьяны,
Работали оба без сна:
Он списывал древние планы,
Какую-то рухлядь — она.

Но дальше по части сравнений
Задача совсем не проста:
Он взял за работу, как гений,
Она же... полтину с листа!

М. Андр.

СЕМЬ ПЯТНИЦ

— Когда разрешите придти за справочкой?

— А по каким дням вы свободны?

— По пятницам.

— Тогда приходите по пятницам.

НОВЫЙ СПОСОБ

В клубе Рыжиков подошел к Власову и взял его за пуговицу.

— Имею разговор... — сказал он тихо, и они пошли на пустую круглую сцену, где среди пыльных кулис и колченогой бутафории им за исключением крыс никто помешать не мог.

— Вот что, Власов, — сказал Рыжиков и положил собеседнику руку на плечо, — не знаю, как тебе, а мне твое поведение не нравится.

— А что такое? — тихо и испуганно спросил Власов.

— Ты знаешь, где тебя вчера видели? — продолжал Рыжиков.

— Где? — также испуганно спросил Власов.

— Вчера в 7 часов 15 минут вечера ты был на углу Пролетарской и Огородной улиц, где зашел в пивную «Отрада», в каковой просидел полчаса в подозрительной компании и пил с ней пиво.

— Позволь, — обрадовался Власов, — так ведь ты был в той же самой пивной, только за другим столиком.

— Как ты можешь сравнивать, — пожал Рыжиков плечами, — ты ходил туда за удовлетворением низменных инстинктов. Я же — исключительно для того, чтобы заметить, кого из наших ребят начинают захлестывать мутные волны НЭП'а, чтобы во время предостеречь несчастного.

Власов хотел расхохотаться, но голос Рыжикова звучал так убедительно, в глазах его было столько дружеского участия и сожаления о его, Власова, падении, что он, действительно, почувствовал себя неловко.

— Спасибо, — сказал он растроганно, — я никогда не забуду твоих подлинно-товарищеских слов...

— Пойми, что твой долг теперь, — сказал Рыжиков, — предостеречь и других товарищей от посещения этой грязной клоаки НЭП'а, пивной «Отрада».

— Я понимаю! — сказал Власов.

Через полчаса Рыжиков сидел на той же сцене с другим товарищем Волковым. Волков горячо оправдывался в чем-то, и лицо его горело от стыда, а Рыжиков укоризненно качал головой и изредко вставлял:

— Стыдно, стыдно.

— Пойми же, — говорил Волков, — вот ты говоришь, что если я путаюсь с Лизкой, то это для нашей организации позор всеуездного масштаба, но ведь мне девчонка, действительно, нравится.

— Выходит, значит, что какая-то Лизка Чибисова тебе дороже общественного мнения твоих товарищей по классу?.. Может быть, она тебе дороже и передовых пролетариев Запада, и угнетенных масс Востока? И это называется — сознательный рабочий. О, позор, позор!

— Нет, не дороже! — горячо, убежденно сказал Волков и стукнул себя в грудь. — Не дороже!

— Тогда выбирай, — она или мы. Ты понимаешь, что поскольку она не вошла в ленинский набор — ее влияние на тебя не может быть другим, кроме разлагающего. А через тебя разложение может перейти на всю организацию и развернуться в губернском масштабе...

Нарисованная Рыжиковым грандиозная картина потрясла Волкова.

— Ты прав, — сказал он решительно, — я оборву.

★

На улице Рыжиков тихо свистнул. Фигура в сногсшибательной кепке поднялась с лавочки и пошла ему навстречу.

— Куда? — сказала фигура.

— Да вот, думаю, раньше Лизку Чибисову захватить, а потом закатимся все в «Отраду».

— Может, в другую пивную пойдем? В «Отраду» — ты сам говорил — ваши ребята часто заглядывают. Неудобно, все-таки, встретиться...

— Не встретимся. Отшил их по новому способу. Теперь «Отрада» — самое спокойное место...

— Молодец! — похвалила лихая кепка.

И друзья зашагали.

С. Карташов

ОТДЫХ ТАК ОТДЫХ

Рис. К. Ротова

— Послушайте, вы же себе голову проломите!
— А зачем мне она — я все равно на курорт еду...

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Владимир Ричиотти в последней книжке журнала «Звезда» договорился до... летающего моря:

Родные гамаюны,
Довольно песни петь,
Мне горестно без юности
В далекий край лететь.

Не море я, чтоб взвиться
В два счета — в перелет.

К знаменитым афоризмам «Волга впадает в Каспийское море» и «Лошадь кушает овес» отныне следует прибавить для сведения Владимира Ричиотти:

«*Море* не взвивается в перелет ни в два, ни даже в три счета.

В два счета обычно взвивается в перелет из портфеля редакции *бумажное* море неудачных стихов...»

★

От летающего моря недалеко до убитых коней, которые после своей смерти имеют возможность ржать в небеса...

Именно об этой способности написал поэт Владимир Заводчиков на страницах той же «Звезды»:

Ах, братцы! забуду ль,
как песней гудит,
в полях, наша удаль,—
в ударах копыт!

Попробуй — но вспомни,
как ржут в небеса
убитые кони,
лишившись овса...

Будут ли убитые кони ржать в небеса — в этом можно сомневаться, но читатель, ознакомившись с приведенными строчками, будет ржать наверно...

★

Так же весело будет ржать читатель, когда прочитает статью «О шпагоглотателях», напечатанную в последнем номере «Цирка и Эстрады».

В ней, между прочим, говорится:

Каждый, страдавший желудочным заболеванием, которому приходилось делать исследование желудочного сока, в сущности, не подозревая этого, производил над собой первую тренировку шпагоглотателя.

Зонд и толстая резиновая трубка на $1/2$ — $3/4$ аршина вводимые через гортань в пищевод, конечно, не шпага, но это все же начальная ступень шпагоглотательства.

До «Цирка и Эстрады» — вводимый в пищевод зонд отнюдь не вызывал у больного заразительного смеха.

Сейчас больному будет ясно, что это—эффектный «трюк» и что больной — лишь квалифицированный шпагоглотатель, которому сейчас же после операции останется только, согласно цирковым традициям, послать окружающим воздушный поцелуй...

★

В одном из последних номеров «Смехача» (см. «Тараканы в тесте») была помещена и прокомментирована цитата из поэмы Иосифа Уткина «Милое детство».

Читая продолжение упомянутой поэмы, мы натолкнулись на следующее место:

Кто виноват
В этих странностях был:
Пушкин, нужда
Или что-то другое?
Но тараканов я не любил...

Не о наших ли «Тараканах в тесте» идет здесь речь?..

СРЕДИ ОТДОХНУВШИХ

Рис. А. Радакова

— Верно говорят, что Крым — кузница здоровья: меня в этой **кузнице** на тридцать червонцев **подковали** этим летом!

СМЕХАЧИНА

В одном из прошлых номеров нами была обещана «Историческая Смехачина», — в этом номере предлагаем ее вниманию читателя:

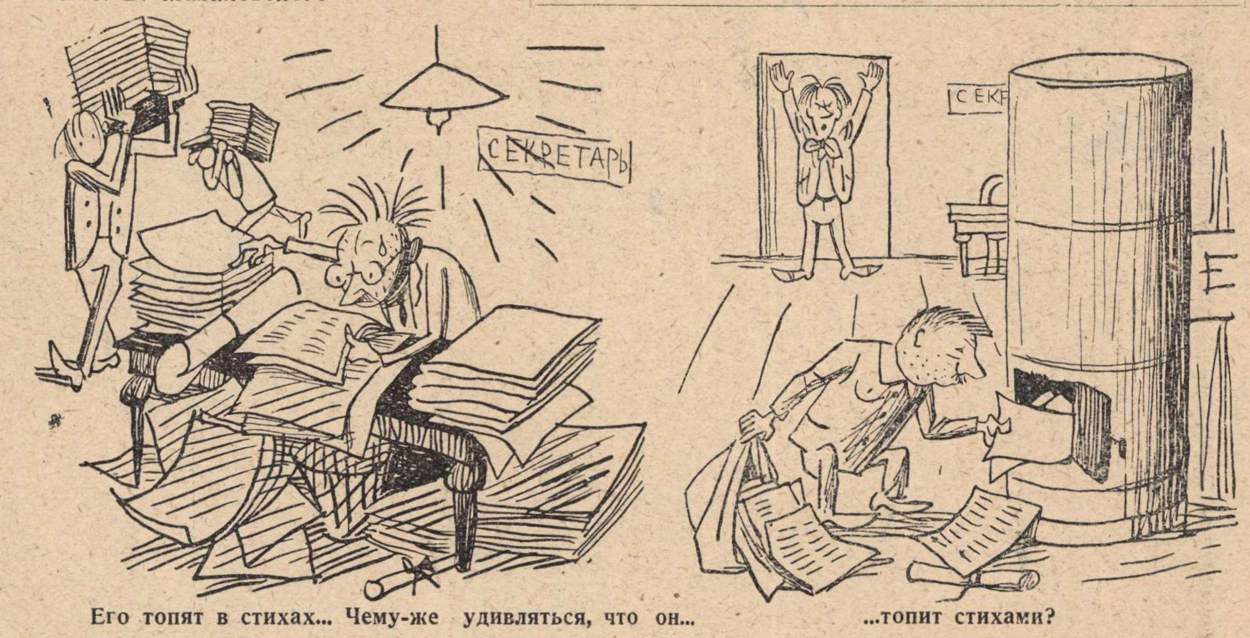
1. Какой из монархов больше всего наговорил глупостей?
2. Зачем гуси спасли Рим?
3. Для чего фараонам нужны были пирамиды?
4. Что сказал бы Александр Македонский, если бы увидел Чемберлена?
5. Кто в истории был родоначальником подхалимства?
6. Кто первый начал ходить с портфелем?

Наиболее удачные ответы будут опубликованы в «Смехаче» и премированы.

ОДНО К ОДНОМУ

Рис. Б. Малаховского

«Комсомольская Правда» жалуется, что в редакциях стихами молодых поэтов топят печи.

Его топят в стихах... Чему-же удивляться, что он... ...топит стихами?

ВСЯКАЯ БУЗА

Напрасно многие думают, что только мы боремся с кулаками. Английские соглашатели тоже борются с кулаками — против своих левых товарищей. Так, на с'езде английских горнорабочих Смит и его спутники набросились с кулаками на Алла Хорнера и других исключенных делегатов.

Разница только в том, что у нас кулаки не побеждают, а в Англии они иногда приносят победу соглашателям...

***

Мы, конечно, всяческие сторонники самокритики, но думаем, что и ее не надо опошлять. На эту мысль нас навело следующее предложение шахматного отдела «Комсом. Правды»:

«МЫ СЛИШКОМ БОЛЬШУЮ ДАНЬ ПЛАТИМ ШАХМАТНЫМ АВТОРИТЕТАМ. А между тем БОРЬБА С ШАХМАТНЫМ ШАБЛОНОМ, ИСКАНИЕ НОВЫХ ПУТЕЙ В ШАХМАТАХ, ОТХОД ОТ СЛЕПОГО ПОКЛОНЕНИЯ ТЕМ УКАЗАНИЯМ, КОТОРЫЕ ДАЮТ НАМ «МИРОВЫЕ ВЕЛИЧИНЫ» И ВЕДЕНИЕ СВОЕОБРАЗНОЙ ШАХМАТНОЙ «САМОКРИТИКИ», ЭТО —НАШИ ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ».

Остается только одно: путем голосования исключить коня из игры, а королеву в порядке рационализации заменить офицером.

***

Столь популярные плакаты «Здесь просят не задерживаться» следовало бы иногда вывешивать в наших вузах, ибо по подсчетам «Труда», количество второгодников по всем вузам республики выражается в 34 проц., другими словами, одна треть студентов систематически остается на второй год.

Люди зрелого возраста говорят: «Ум — хорошо, а два — лучше!» Некоторая же часть нашей молодежи, очевидно, усвоила эту мудрую поговорку в несколько искаженном толковании:

— Год — хорошо, а два — еще лучше!..

***

Бороться с упадочничеством—безусловная задача момента. И в Казани нащупали истинные пути этой борьбы. Вот что нам сообщают из Казани:

«Большие замыслы у казанских культработников.

При летнем саде рекомендуется, например, организовать:

«Кружок по изучению возможностей мира в промышленности Англии».

И будет человек сидет в казанском летнем саду, и будет в том саду тянуть пиво, и будет голосовать за процветание мира в английской промышленности до тех пор, пока не свалится под стол!

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

БЕДНЫЕ «ЧИТАТЕЛИ»

Из заметки «Чего мы достигнем?», напечатанной в «Полярной Звезде», № 25:

Мы сейчас пользуемся тем допотопным, что наши полудикие предки имели. Давайте пробиваться вперед, как наш материк, как весь СССР, давайте сбросим спячку. Вставай, медведь, из берлоги,—ибо желудок кушать просит.

Если бы редактор «Полярной Звезды» читал внимательно заметки прежде, чем пускать их в печать, — мы бы уже чего-нибудь достигли. А так, конечно, раз «желудок кушать просит», то сотрудникам этой уважаемой газеты все равно о чем писать—лишь бы заплатили.

ДОЛОЙ НЕГРАМОТНОСТЬ!

В саду г. Ростова на Дону, где помещаются клиники Северо-Кавказского университета, вывешено об'явление за подписью месткома клиник:

... За последнее время появились у нас хулиганствующие лица, каковые нарушают нам спокойно работать...

Рабкор, приславший нам это об'явление, возмущается:

Будущие врачи, а грамотно писать по-русски не умеют!

А на кой ляд им уметь писать грамотно? Врачам грамота даже и не особенно нужна: рецепты они пишут по-латински, а фамилии просто неразборчиво.

АНКЕТОМАНИЯ

Пишут из Перми:

Областной отдел союза работников полиграфического производства разослал по районам анкеты о результатах зимней культработы. Среди множества вопросов имеются и такие: «Сколько полагалось посетителям вечеров стаканов чаю на один билет? Сколько выпито фруктовых вод?».

На эти вопросы, конечно, ответить трудновато. Но вот на такой вопрос — «Сколько бюрократов в областном отделе союза работников полиграфического производства?» — не задумываясь, ответим: —

«Очень много!»

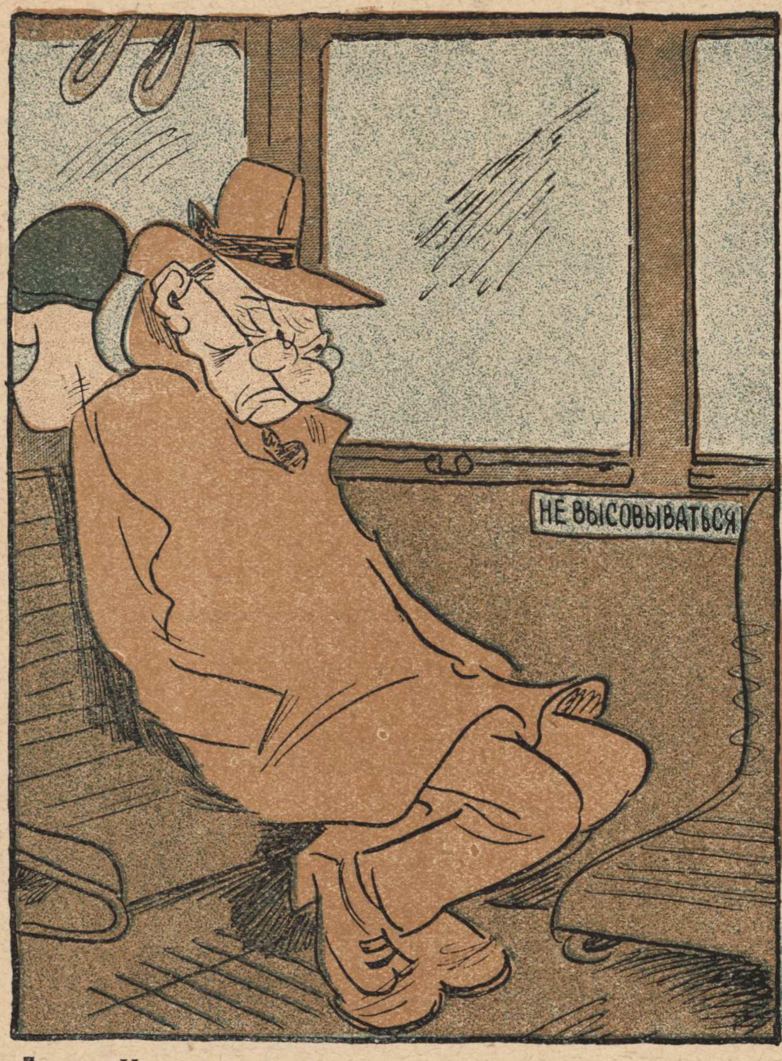
Издание газеты «ГУДОК». Адрес редакции: Москва, Солянка, 12, Дворец Труда, 3-й этаж, ком. 365. Отв. редактор — А. Богдасаров.

Главлит № А18507. Тираж 100.000 экз.

Отпечатано в тип. «Гудок», Москва, улица Станкевича, 7. Заказ № 1405.

В ПОРЫВЕ САМОКРИТИКИ

Рис. К. Ротова

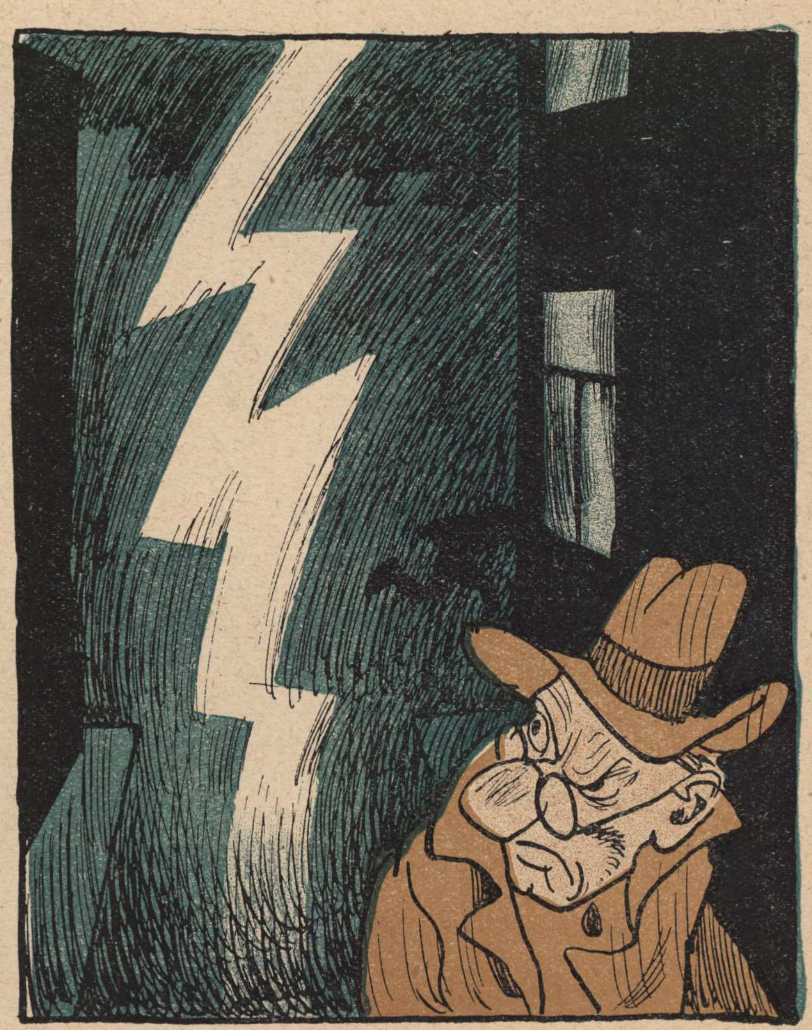
— Ну, конечно... одним все можно, а другим и этого нельзя!

— Даже и здесь эта ужасная чересполосица!!!

— И так дрянь материя, а тут еще ее подмачивают!

— И это называется «экономия электричества»!!!